

Ф.М. Достоевский

Вечный муж

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Вечный муж / Ф.М. Достоевский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 239 с.

ISBN 978-5-518-08891-7

ISBN 978-5-518-08891-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ВЕЛЬЧАПИНОВЪ.

Пришло лѣто — и Вельчапиновъ, сверхъ ожиданія, остался въ Петербургѣ. Поѣздка его на югъ Россіи разстроилась, а дѣлу и конца не предвидѣлось. Это дѣло — тяжба по имѣнію — принимало предурной оборотъ. Еще три мѣсяца тому назадъ оно имѣло видъ весьма не сложный, чуть не безспорный; но какъ-то вдругъ все измѣнилось. „Да' и вообще все стало измѣняться къ худшему!“ — эту фразу Вельчапиновъ съ злорадствомъ и часто сталъ повторять про себя. Онъ употреблялъ адвоката ловкаго, дорогаго, извѣстнаго, и денегъ не жалѣлъ; но въ нетерпѣніи и отъ мнительности повадился заниматься дѣломъ и самъ: читалъ и писалъ бумаги, которыя сплошь браковалъ адвокатъ, бѣгалъ по присутственнымъ мѣстамъ, наводилъ справки и вѣроятно очень мѣшалъ всему; по крайней мѣрѣ адвокатъ жаловался

и гналъ его на дачу. Но онъ даже и на дачу выѣхать не рѣшился. Пыль, духота, бѣлыя петербургскія ночи, раздражающія нервы, — вотъ чѣмъ наслаждался онъ въ Петербургѣ. Квартира его была гдѣ-то у Большаго Театра, недавно нанятая имъ, и тоже не удалась; „все не удавалось!“ Ипохондрія его росла съ каждымъ днемъ; но къ ипохондріи онъ уже былъ склоненъ давно.

Это былъ человѣкъ много и широко пожившій, уже далеко не молодой, лѣтъ тридцати восьми или даже тридцати девяти, и вся эта „старость“ — какъ онъ самъ выражался — пришла къ нему „совсѣмъ“ почти неожиданно; но онъ самъ понималъ, что состарѣлся скорѣе не количествомъ, а такъ-сказать качествомъ лѣтъ, и что если ужъ и начались его немощи, то скорѣе изнутри, чѣмъ снаружи. На взглядъ онъ и до сихъ поръ смотрѣлъ молодцомъ. Это былъ парень высокій и плотный, свѣтлорусъ, густоволосъ и безъ единой сѣдинки въ головѣ и въ длинной, чуть не до половины груди, русой бородѣ; — съ перваго взгляда какъ бы нѣсколько неуязвимъ и опустившійся; но взглядѣвшись пристальнѣе, вы тотчасъ же отличили бы въ немъ господина, выдержаннаго отлично и когда-то получившаго воспитаніе самое великосвѣтское. Приемы Вельчанинова и теперь были свободны, смѣлы и даже граціозны, не смотря на всю благопріобрѣтенную имъ брюзгливость и мѣшковатость. И даже до сихъ поръ онъ былъ полонъ самой непоколебимой, самой великосвѣтски-нахальной самоувѣренности, которой размѣра можетъ быть и самъ не подозрѣвалъ въ себѣ, не смотря на

то, что былъ человекъ не только умный, но даже иногда толковый, почти образованный и съ несомнѣнными дарованіями. Цвѣтъ лица его, открытаго и румянаго, отличался въ старину женственною нѣжностью и обращалъ на него вниманіе женщинъ; да и теперь иной, взглянувъ на него, говорилъ: „экой здоровенный, кровь съ молокомъ!“ И однакожь этотъ „здоровенный“ былъ жестоко пораженъ ипохондріей. Глаза его, большіе и голубые, лѣтъ десять назадъ, имѣли тоже много въ себѣ побѣдительнаго; это были такіе свѣтлые, такіе веселые и беззаботные глаза, что невольно влекли къ себѣ cadaго, съ кѣмъ только онъ ни сходилъ. Теперь, къ сороковымъ годамъ, ясность и доброта почти погасли въ этихъ глазахъ, уже окружившихся легкими морщинами; въ нихъ появились напротивъ цинизмъ не совсѣмъ нравственнаго и уставшаго человека; хитрость, всего чаще насмѣшка и еще новый оттѣнокъ, котораго не было, прежде: оттѣнокъ грусти и боли — какой-то разсѣянной грусти, какъ бы безпредметной, но сильной. Особенно проявлялась эта грусть, когда онъ оставался одинъ. И странно, этотъ шумливый, веселый и разсѣянный всего еще года два тому назадъ человекъ, такъ славно рассказывавшій такіе смѣшные рассказы, — ничего такъ не любилъ теперь какъ оставаться совершенно одинъ. Онъ намѣренно оставилъ множество знакомствъ, которыхъ даже и теперь могъ бы не оставлять, не смотря на окончательное разстройство своихъ денежныхъ обстоятельствъ. Правда, тутъ помогло тщеславіе: съ его мнительностію и тщеславіемъ нельзя было вынести

прежнихъ знакомствъ. Но тщеславіе его, мало по малу, стало измѣняться въ уединеніи. Оно не уменьшилось, даже — напротивъ; но оно стало вырождаться въ какое-то особаго рода тщеславіе, котораго прежде не было: стало иногда страдать уже совсѣмъ отъ другихъ причинъ, чѣмъ обыкновенно прежде, — отъ причинъ неожиданныхъ и совершенно прежде немислимыхъ, отъ причинъ „болѣе высшихъ“, чѣмъ до сихъ поръ, — „если только можно такъ выразиться, если дѣйствительно есть причины высшія и нисшія“.... Это уже прибавлялъ онъ самъ. !

Да, онъ дошелъ и до этаго; онъ бился теперь съ какими-то причинами *высшими*, о которыхъ прежде и не задумался бы. Въ сознаниіи своемъ и по совѣсти онъ называлъ высшими всѣ „причины“, надъ которыми (къ удивленію своему) никакъ не могъ про себя засмѣяться, — чего до сихъ поръ еще не бывало, — про себя, разумѣется; о, въ обществѣ дѣло другое! Онъ превосходно зналъ, что сойдись только обстоятельства — и на завтра же онъ, вслухъ, не смотря на всѣ таинственныя и благоговѣйныя рѣшенія своей совѣсти, преспокойно отречется отъ всѣхъ этихъ „высшихъ причинъ“ и самъ, первый, подыметъ ихъ на смѣхъ, разумѣется не признаваясь ни въ чемъ. И это было дѣйствительно такъ, не смотря на нѣкоторую, весьма даже значительную долю независимости мысли, отвоеванную имъ въ послѣднее время у обладавшихъ имъ до сихъ поръ „нисшихъ причинъ“. Да и сколько разъ самъ онъ, вставая на утро съ постели, начиналъ стыдиться своихъ мыслей и чувствъ,

пережитыхъ въ ночную безсонницу! (А онъ сплошь, все послѣднее время страдалъ безсонницей). Давно уже онъ замѣтилъ, что становится чрезвычайно мнителенъ во всемъ, и въ важномъ и въ мелочахъ, а потому и положилъ-было довѣрять себѣ какъ можно меньше. Но выдавались однакоже факты, которыхъ ужъ никакъ нельзя было не признать дѣйствительно-существующими. Въ послѣднее время, иногда по ночамъ, его мысли ощущенія почти совсѣмъ перемѣнялись, въ сравненія съ всегдашними, и большею частію отнюдь не походили на тѣ, которыя выпадали ему на первую половину дня. Это его поразило — и онъ даже посовѣтывался съ извѣстнымъ докторомъ, правда человѣкомъ ему знакомымъ; разумѣется, заговорилъ съ нимъ шутя. Онъ получилъ въ отвѣтъ, что фактъ измѣненія и даже раздвоенія мыслей и ощущеній по ночамъ во время безсонницы, и вообще по ночамъ, — есть фактъ всеобщій между людьми „сильно мыслящими и сильно чувствующими“, — что убѣжденія всей жизни иногда внезапно мѣнялись подъ меланхолическимъ вліяніемъ ночи и безсонницы; вдругъ ни съ того, ни съ сего, самыя роковыя рѣшенія предпринимались; но что, конечно, все до извѣстной мѣры — и если наконецъ субъектъ уже слишкомъ ощущаетъ на себѣ эту раздвоимость, такъ что дѣло доходитъ до страданія, то безспорно это признакъ, что уже образовалась болѣзнь; а стало быть надо немедленно что нибудь предпринять. Лучше же всего измѣнить радикально образъ жизни, измѣнить діету, или даже предпринять путешествіе. Полезно, конечно, слабительное.

Вельчаниновъ дальше слушать не сталъ; но болѣзнь была ему совершенно доказана.

— И такъ, все это только болѣзнь, все это „высшее“ одна болѣзнь и больше ничего! язвительно восклицалъ онъ иногда про себя. Очень ужъ ему не хотѣлось съ этимъ согласиться.

Скоро, впрочемъ, и по утрамъ стало повторяться то же, что происходило въ исключительные ночные часы, но только съ большею желчью, чѣмъ по ночамъ, со злостью вмѣсто раскаянія, съ насмѣшкой вмѣсто умиленія. Въ сущности это были, все чаще и чаще приходившія ему на память, „внезапно и Богъ знаетъ почему“, инныя происшествія изъ его прошедшей и давнопрошедшей жизни, но приходившія какимъ-то особеннымъ образомъ. Вельчаниновъ давно уже напимѣръ жаловался на потерю памяти: онъ забывалъ лица знакомыхъ людей, которые, при встрѣчахъ, за это на него обижались; книга, прочитанная имъ полгода назадъ, забывалась въ этотъ срокъ иногда совершенно. И что же? — не смотря на эту очевидную, ежедневную утрату памяти (о чемъ онъ очень безпокоился) — все что касалось давно-прошедшаго, все что по десяти, по пятнадцати лѣтъ бывало даже совсѣмъ забыто, — все это вдругъ иногда приходило теперь на память, но съ такою изумительною точностію впечатлѣній и подробностей, что какъ будто бы онъ вновь ихъ переживалъ. Нѣкоторые изъ припоминавшихся фактовъ были до того забыты, что ему

уже одно то казалось чудомъ, что они могли припомниться. Но это еще было не все; да и у кого изъ широко пожившихъ людей нѣтъ своего рода воспоминаній? Но дѣло въ томъ, что все это припоминавшееся возвращалось теперь какъ бы съ заготовленной кѣмъ-то, совершенно новой, неожиданной и прежде совсѣмъ немыслимой точкой зрѣнія на фактъ. Почему инья воспоминанія казались ему теперь совсѣмъ преступленіями? И не въ однихъ приговорахъ его ума было дѣло: своему мрачному, одиночному и больному уму онъ бы и не повѣрилъ; но доходило до проклятій и чуть ли не до слезъ, если и не наружныхъ, такъ внутреннихъ. Да онъ еще два года тому назадъ и не повѣрилъ бы, еслибъ ему сказали, что онъ когда нибудь заплачетъ! Сначала, впрочемъ, припоминалось больше не изъ чувствительнаго, а изъ язвительнаго: припоминались инья свѣтскія неудачи, униженія; вспоминалось о томъ, напримѣръ, какъ его „оклеветалъ одинъ интригантъ“, вслѣдствіе чего его перестали принимать въ одномъ домѣ, — какъ, напримѣръ, и даже не такъ давно, онъ былъ положительно и публично обиженъ, а на дуэль не вызвалъ, — какъ осадили его разъ одной преостроумной эпиграммой въ кругу самыхъ хорошенькихъ женщинъ, а онъ не нашелся что отвѣчать. Припомнились даже два-три неуплаченные долга, правда, пустяшные, но долги чести и такимъ людямъ, съ которыми онъ пересталъ водиться и объ которыхъ уже говорилъ дурно. Мучило его тоже (но только въ самыя злыя минуты) воспоминаніе о двухъ, глупѣйшимъ образомъ промотанныхъ

состояніяхъ, изъ которыхъ каждое было значительное. Но скоро стало припоминяться и изъ „высшаго“.

Вдругъ, напримѣръ, „ни съ того ни съ сего“, припомнилась ему забытая — и въ высочайшей степени забытая имъ фигура добренькаго одного старичка чиновника, сѣденькаго и смѣшнаго, оскорбленнаго имъ когда-то, давнымъ давно, публично и безнаказанно и единственно изъ одного фанфаронства: изъ за того только, чтобъ не пропалъ даромъ одинъ смѣшной и удачный каламбуръ, доставившій ему славу, и который потомъ повторяли. Фактъ былъ до того имъ забыть, что даже фамиліи этого старичка онъ не могъ припомнить, хотя съ разу представилась вся обстановка приключенія въ непостижимой ясности. Онъ ярко припомнилъ, что старикъ тогда заступался за дочь, жившую съ нимъ вмѣстѣ и засидѣвшуюся въ дѣвкахъ и про которую въ городѣ стали ходить какіе-то слухи. Старичокъ сталъ-было отвѣчать и сердиться, но вдругъ заплакалъ навзрыдъ при всемъ обществѣ, что произвело даже нѣкоторое впечатлѣніе. Кончили тѣмъ, что для смѣха его напоили тогда шампанскимъ и вдоволь насмѣялись. И когда теперь припомнилъ, „ни съ того ни съ сего“, Вельчаниновъ о томъ, какъ старикашка рыдалъ и закрывался руками какъ ребенокъ, то ему вдругъ показалось, что какъ будто онъ никогда и не забывалъ этого. И странно: ему все это казалось тогда очень смѣшнымъ; теперь же — напротивъ, и именно подробности, именно закрываніе лица руками. Потомъ онъ припомнилъ, какъ, единственно для шутки, оклеветалъ одну прехорошенькую жену одного школь-

наго учителя и клевета дошла до мужа. Вельчаниновъ скоро уѣхалъ изъ этого городка и не зналъ, чѣмъ тогда кончились слѣдствія его клеветы, но теперь онъ сталъ вдругъ воображать, чѣмъ кончились эти слѣдствія, — и Богъ знаетъ до чего бы дошло его воображеніе, еслибъ вдругъ не представилось ему одно гораздо ближайшее воспоминаніе объ одной дѣвушкѣ, изъ простыхъ мѣщанокъ, которая даже и не правила ему, и которой, признаться, онъ и стыдился, но съ которой, самъ не зная для чего, прижилъ ребенка, да такъ и бросилъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ, даже не простившись (правда, некогда было), когда уѣхалъ изъ Петербурга. Эту дѣвушку онъ разыскивалъ потомъ цѣлый годъ, но уже никакъ не могъ отыскать. Впрочемъ, такихъ воспоминаній оказывались чуть не сотни — и такъ даже, что какъ будто каждое воспоминаніе тащило за собою десятки другихъ. Мало по малу стало страдать и его тщеславіе.

Мы сказали уже, что тщеславіе его выродилось въ какое-то особенное. Это было справедливо. Минутами (рѣдкими, впрочемъ) онъ доходилъ иногда до такого самозабвенія, что не стыдился даже того, что не имѣетъ своего экипажа, что слоняется пѣшкомъ по присутственнымъ мѣстамъ, что сталъ нѣсколько небреженъ въ костюмѣ, — и случись, что ктонибудь изъ старыхъ знакомыхъ обмѣрять бы его насмѣшливымъ взглядомъ на улицѣ, или просто вздумалъ бы не узнать то, право, у него достало бы настолько высокоумія, чтобъ даже и не поморщиться. Серьезно не поморщиться, вправду, а не то что для одного виду. Разумѣется, это бывало рѣдко,

это были только минуты самозабвения и раздражения, но все-таки тщеславие его стало мало по малу удаляться от прежних поводов и сосредоточиваться около одного вопроса, непрерывно приходившаго ему на умъ.

„Вотъ вѣдь“ — начиналъ онъ думать иногда сатирически (а онъ всегда почти, думая о себѣ, начиналъ съ сатирическаго) — „вотъ вѣдь кто-то тамъ заботится же объ исправленіи моей нравственности и посылаетъ мнѣ эти проклятыя воспоминанія и „слезы раскаянія“. Пусть, да вѣдь попусту! вѣдь все стрѣльба холостыми зарядами! Ну не знаю ли я навѣрно, вѣрнѣе чѣмъ навѣрно, что, не смотря на всѣ эти слезныя раскаянія и самоосужденія, во мнѣ нѣтъ ни капельки самостоятельности, не смотря на всѣ мои глупѣйшія сорокъ лѣтъ! Вѣдь случись завтра же такое же искушеніе, ну сойдишь напримѣръ опять обстоятельства такъ, что мнѣ выгодно будетъ слухъ распушить, будто бы учительша отъ меня подарки принимала, — и я вѣдь навѣрное распушу, не дрогну — и еще хуже, пакостнѣе чѣмъ въ первый разъ дѣло выйдетъ, потому что этотъ разъ будетъ уже второй разъ, а не первый. Ну, оскорби меня опять, сейчасъ, этотъ князекъ, единственный сынъ у матери и которому я одиннадцать лѣтъ тому назадъ ногу отстрѣлилъ, — и я тотчасъ же его вызову и посажу опять на деревяшку. Ну, не холостые ли стало-быть заряды и чтò въ нихъ толку! и для чего напоминать, когда я хоть сколько нибудь развязаться съ собой прилично не умѣю!“

И хоть не повторялось опять факта съ учительшей,